

ЭТНОС И ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ: К ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЮ ФЕНОМЕНА

В.П. Булдаков

Институт российской истории РАН

Аннотация: В статье обсуждаются проблемы соотношения понятий патриотизма, национализма и этноса в контексте истории, политики, культуры и социальной психологии. По мнению автора, патриотизм принадлежит к наиболее естественным человеческим чувствам привязанности к определённой культуре. Однако в патерналистских системах патриотизм ассоциируется с лояльностью по отношению к власти. В таком случае национальное и этническое нередко воспринимаются в качестве угрозы сепаратизма, поэтому нередко им противопоставляется официальный патриотизм. «Естественный» же патриотизм часто выступает прикрытием национализма, поэтому также склонен легко деформироваться, превращаясь в ненависть ко всему «чуждому», которая находит своё выражение в этноконфессиональных конфликтах.

Ключевые слова: политические идеологии, национализм, патриотизм, этнопатернализм, идентичность, этнические конфликты, сепаратизм.

Поток работ, посвящённых современным этническим конфликтам, усиливается. Заметно выросло и количество исследований по так называемому национальному вопросу в России. Вместе с тем, создаётся впечатление, что данная проблематика становится всё более запутанной. В особой мере это касается российских этносов и этнополитики.

На протяжении последних десятилетий этноконфликтологи предложили целый набор «универсальных» теорий, призванных объяснить происхождение современных столкновений между народами. Одни отдают предпочтение новейшим формам «борьбы за ресурсы», другие предлагают учитывать главным образом этностратификационные подвижки, третьи настаивают на неофрейдистских интерпретациях конфликта. Делаются также попытки выявить культурно-антропологическую (в данном случае — примордиалистскую, социобиологическую) составляющую всякого этнического конфликта. Но всё это не прибавляет ясности, поскольку конкретно-историческая составляющая проблемы остаётся на заднем плане.

В теоретической части положение также запутано. Исследователи отмечают, что национализм и патриотизм, будучи на слуху у всех, на протяжении двух столетий остаются крайне аморфными понятиями, ибо их восприятие постоянно меняется в связи с особой эмоциональной насыщенностью [Журавлёв 2015: 5]. Иной раз встречаются «теоретики», уверяющие, что

в России национализма вообще не было — был только патриотизм (вкуче с интернационализмом). Одни авторы готовы верить, что европейские концепты абсолютно адекватны российским реалиям, другие, напротив, в соответствии с логикой «особого пути» уверяют, что у нас изначально «все уникально хорошее» (за исключением многочисленных «злоумышленников»).

Представляется, что в данной ситуации этнос и этнические конфликты стоит рассмотреть в контексте истории, культуры и социальной психологии, а не просто политики. Как правило, этого не понимают. Отчасти это связано с манипулятивным взглядом на так называемый национальный вопрос. Это, в свою очередь, обусловлено соответствующим столкновением эмоций: этническое воспринимается либо в контексте потенциальной угрозы, либо в дискурсе сепаратизма, а потому всему этому надлежит противопоставить патриотизм.

Строго говоря, патриотизм принадлежит к наиболее естественным человеческим чувствам. Человек изначально привязан к определённой среде и, соответственно, к культуре. Его, казалось бы, излишне убеждать в преимуществах своей среды обитания перед другими. Но всякая власть непременно этим занимается в видах укрепления *своего* собственного авторитета. Особенно заметно это в патерналистских системах, где патриотизм ассоциируется с лояльностью по отношению к своей *власти* (а не народу и стране). «Воспитывая» подданных в «патриотическом духе» государство подпирает свои собственные силовые устои наиболее естественными людскими эмоциями. Сакральное работает на деспотичное. Этатизированный патриотизм — это всегда подлог: вместо любви к родине предлагается любить государство и правителя. Однако в этом деле легко перегнуть палку: подданные рано или поздно могут (отнюдь не вспоминая К. Маркса) заметить, что патриотизм — «последнее прибежище подлеца».

Конечно, ажиотажный интерес никогда не добавляет ясности в обсуждаемый предмет — реальное, воображаемое, символичное в таких обстоятельствах легко меняется местами и смешивается. Однако в наше время у проблематики, связанной с этносами, национальностями, нациями, национализмом, этнонациональной и этноконфессиональной тематикой имеются более глубокие истоки непонимания. В сущности, они обусловлены самой ментальностью эпохи Просвещения или Модерна, переживающей болезненный кризис. Если человеческий разум никогда не терпел «чужого», «непонятного», «хаотичного», всякий раз опасливо сторонясь его, то в конце XIX в. под это стала подводиться «теория».

Если эпоха Просвещения была нацелена на насаждение научно (позитивистски, по тогдашним понятиям) обоснованного человеческого прогресса, то, очевидно, она была склонна отбрасывать все, что мешало его победоносному шествию. Интеллектуальные и нравственные императивы эпохи требовали скорее всеобщей (в том числе и этнической) унификации, нежели многообразия. Всякая выбивающаяся из «прогрессивного» ряда архаика эксплицитно и имплицитно воспринималась не просто как досадное препятствие, а как принципиальный «враг», подлежащий если не тотальному искоренению, то забвению. Поскольку эпоха самоутверждалась под знаком Разума, то всё «иррациональное» (по его «просвещённым» представлениям) предавалось анафеме. Лозунги Свободы, Равенства, Братства использовались избирательно: свобода допускалась только для того, что признавалось «освободительным» от прошлого; равенство становилось уделом только для «прогрессивных» сил; братство допускалось лишь для тех, кто соответственно усвоил эти постулаты. К примеру, В.Г. Белинский — неистовый Виссарион — в бытность своего увлечения Западом утверждал, что ни один народ не должен существовать отдельно от человечества [Белинский 1954: 303] (то есть за пределами его нивелирующего влияния), а всякое упорство в отстаивании своей самобытности выносит тот или иной этнос за пределы цивилизованности. Такой подход таил в себе несомненный этнофобский компонент: что делать со «свернувшимися» или реликтовыми цивилизациями? И подобная дискриминация сохраняется по сей день — обычно под прикрытием политкорректного ханжества.

Стоит вспомнить, что именно под «освободительными» от прошлого наследия лозунгами развернулось активное формирование современных наций-государств. Сложилось представление, что именно они представляют собой «норму» современности, обязательную для всеобщего прогресса. Все, что оказывалось за её пределами, воспринималось как препятствие, требующее устранения. Это порождало противоречивость восприятия этносоциальных изменений у «ублюдков Вольтера» [Сол 2007]: с одной стороны, подстегивалась этническая унификация существующих государственных образований, с другой — поощрялось создание новых наций-государств — но только за «своими» пределами. Разумеется, ни имперская организация мира, ни культурное своеобразие «прогрессивных» народов, ни само этническое многообразие человечества не могли исчезнуть в одночасье. Как результат, по отношению к самой идее нации стали применяться взаимоисключающие метафоры: нация, как венец «прогрессивного» этатизма, этническое движение, как угроза национальной целостности. Выход из логического тупика, в который закинула человеческий разум «стрела прогресса», виделся на основах космополитизма и/или интернационализма. Но и тот, и другой несли в себе мессианское и миссианское (попросту говоря, гегемонистское) начало, а потому были далеки и от Свободы, и от Равенства, и, тем более, от Братства. Результат известен: Первая мировая война стала настоящей войной империй за самосохранение путём разрушения своих противников не без помощи подвластных им народов, которые надлежало «освободить», превращая в союзные (на деле зависимые) нации.

Удивительно, насколько живучим оказывается комплекс подобных представлений. Напомню, что Советский Союз только и делал, что освобождал колониальные и зависимые народы от «империалистов». В свою очередь последние принимали стороны «порабощённых коммунизмом» наций. Ничего удивительного: если внешний мир кажется угрожающе хаотичным, следует особенно патриотично укреплять «свой дом».

В своё время я с любопытством ждал коммеморативного литературного потока, связанного с Первой мировой войной. То, что появилось в печати, вызвало разочарование: ничего нового. В первую очередь это касалось вопроса о происхождении войны. Как мне показалось (хотел бы ошибиться), никто так и не признал, что была трагедия всей эпохи Просвещения, подлинный «закат Европы». И никто не отважился сказать главное: вера во всеислие человеческого Разума, в его материальные плоды, обернулась тем, что основанная на нем культура несла в себе самоубийственный заряд энергии. Налицо был катастрофический самообман, но признать это до сих пор никому не хочется. Европа восстала против самой себя, взяв на вооружение откровенно *этнофобские* лозунги.

Оказалось, что европейское (либеральное, свободолобное, «цивилизованное») мировосприятие органически противится самокритике, не замечая, что на нем самом лежит печать архаичного «зова племени», в котором оно и черпает свои витальные силы. А православная культура с её претензией на исключительность, отрицанием экуменизма, болезненным отношением к «латинству» и собственным ересям не случайно вместо Третьего Рима породила III Интернационал. В любом случае бесполезно надеяться, что веротерпимость и интернационализм — феномены «высшего» порядка, способные по мановению доктринёрского пера вытеснить национализм, шовинизм, религиозный фанатизм и этнофобию. Даже глобалистские тенденции (или иллюзии) так называемого общечеловеческого развития несут в себе вирус попрания малых народов. Под ними таится старое, как мир, стремление господствовать.

Итак, особенностью современной глобалистской ментальности (иногда выдающей себя за постмодерн) является имплицитное признание только тех наций, которые принимают лозунги Прогресса в его западной ипостаси. В связи с этим прежний принцип права наций на самоопределение не мог не натолкнуться на опасения не только «сепаратизма», но и угрозы всему мировому порядку. Очевидно, что за всем этим стоят примордиалистские страхи перед историческим «соседом» и/или «внутренним врагом»: либо он должен действовать в соответствии с «общепринятой» этикой, либо он — явный или скрытый злоумышленник. Получает-

ся, что наши рационалистические теории и гуманистические принципы пасуют перед старыми, как мир, людскими эмоциями, которые издавна вдохновлялись образом врага.

Новым стало лишь то, что современные *mass media* способны превратиться в настоящую мастерскую по производству врагов «на заказ». Между тем, потребность в образе врага остаётся весьма высокой.

Современный человек формировался в условиях, когда «враг» исторически и казуально был востребован куда больше, чем «друг». Враг нужен и для того, чтобы держать себя «в форме», и для коррекции бесконечного процесса самоидентификации, и просто для ориентации в постоянно меняющемся внешнем мире. Враг не столько мешал, сколько вдохновлял. Он был универсален в своем многообразии и вездесущности. Не удивительно, что зеркальным отражением страхов перед этнонационализмами являются стенания по поводу «национального угнетения». Некогда Россию (империю, не лишённую этнопатернализма) объявили «тюрьмой народов». Известно, что иные народы используют коллективные травмы прошлого, «чтобы придать национальной версии истории особый драматизм и виктимно-политическую направленность» [Тишков 2013: 188–189]. Образ врага даёт возможность связывать «истинное» («патриотическое») понимание истории исключительно со «своей» нацией.

Стоило бы сказать о крахе позитивистского понимания нации. Строго говоря, смысл этого понятия непрерывно менялся. Ко времени краха коммунизма для европейца нация ассоциировалась преимущественно с гражданственностью, а для *homo post-sovieticus*'а — с этнической принадлежностью. В первом случае представление о демократии, как основе нации, оказывалось зауженным, во втором — самый универсализм подобного подхода ставился под сомнение. А что сделает с понятием нация прогрессирующая глобализация? И как будет выглядеть так называемый национальный вопрос в связи с необузданными миграциями?

Так или иначе, в порывах нескончаемых самообольщений и самоунижений человеческий разум то и дело загоняет себя в логические тупики, а затем мучительно, с помощью лукавых ухищрений пытается из них выбраться. Отсюда бесконечные блуждания современного разума, окончательно превращающегося в *блудливый* разум. А потому важно постараться понять, откуда всё это происходит. И, конечно, прикинуть, как это связано с самой природой человека.

Вероятно, смысл истории состоит в примирении биологического и ментального начала в человеке, позволяющего ему стать подлинным хозяином своей судьбы. Можно понимать это и в русле невыполнимой задачи «разумного» управления собственными страстями. Но тогда придётся признать, что человек внутренне противится идее рационального мироустройства, связанного с идеей демократии, ибо существо, выросшее в лоне имперского патернализма и пронизанное его остаточным «духом», избегает личной ответственности и предпочитает быть управляемым. Точно так же человечество вряд ли может всерьёз поддерживать идею многополярного мироустройства, ибо трудно вообразить, как управлять «мозаикой» государств и/или наций.

Конечно, представления человека о своих исторических «соседях» менялись. Но градус этнического неприятия периодически зашкаливал. В принципе, этнофобия новейшего времени связана с феноменом противоборства культур в социальной среде, резко уплотнённой и/или взвинченной идеологией. Это легко пояснить на примере возникновения Первой мировой войны. Рост агрессивности происходил по схеме, называемой в физике «экстремальным ростом малых возмущений», или, если прибегать к медицинским аналогиям, в условиях, когда привычные хронические болячки приобретают канцерогенное свойство. При этом активизировались и устойчивые негативные этнопредставления, и ситуационные опасения. Выросла роль Его Величества Случая. Этнофобия, как и всякий другой выплеск подавляемой (или скрываемой) в прошлом агрессивности, особенно характерна для «избыточно эмоциональных» людей, привыкших терпеть, а не отстаивать свои права. Их интенции в известных условиях приобретают поистине контагиозное качество.

Всё в нашем мире не только исторично, но и *истерично*. И это не просто каламбур. В начале XX в. при наличии известного ряда объективных противоречий (которые в действительности были не столь новыми) возник целый ряд стимулирующих этнофобию факторов: демографический бум, урбанизация, «омоложение» населения, рост социальной агрессивности, резкое уплотнение информационного пространства, провоцирующие появление «новейших» утопий. Прогрессистская ментальность приобрела самоубийственное качество: целая генерация европейцев оказалась проникнута идеей «последнего рывка» в «светлое» будущее. И это касалось не одних лишь революционеров. Средний обыватель воображал, что под руководством «своей» власти ему осталось лишь толкнуть дверь, ведущую в земной рай. Разумеется, при этом следовало избавиться от досадливых «помех».

Известно, что всего дороже приходится платить за иллюзии. Российский внутриимперский баланс мог нарушиться под влиянием целого набора факторов: аграрное перенаселение в историческом центре страны, усиление миграционных процессов, меняющих соотношение центра и окраин, разрыв привычных коммуникативных связей, деформация духовно-идеологического пространства, политическая активизация элит, наконец, кризис центральной власти, продолжающей натужно удерживать (в том числе и через использование предрассудков) «застойное» равновесие. Исследователь, способный разглядеть весь тогдашний комплекс противоречий, может лишь удивляться тому, что тогдашняя Россия продержалась столь долго. Вместе с тем, восторг от развала империи (обычно ситуационно ненавидимой по причине «перекосов» управления и немощи правителя) оказывается недолгим. Её гибель оставляет уцелевшим подданным (включая инсургентов) сгустки потаённого страха перед будущим и не менее пугающий набор проблем настоящего — то, что особенно взвинчивает местные (этнические и политические) национализмы. Вопреки тогдашним иллюзиям прогресса, развал Российской империи обернулся стихией всевозможных погромов и этнических конфликтов — выплеском архаики, силу сопротивления которой не могли предусмотреть «прогрессивные» мыслители. А большевизм, поначалу вознамерившийся освободить весь мир, не случайно отгородился от него, дабы скрыть свои внутренние пороки, взращённые несостоявшимися утопиями.

Всякий очередной виток глобализации провоцирует погромные настроения. В начале XX в. «война империй» придала «национальному вопросу» новое измерение. Образ врага внешнего соединился со страхами перед врагом внутренним (шпионы, предприниматели, спекулянты), который тут же начинал «этнизироваться» (поначалу немец, потом еврей, затем дело дошло и до украинцев-«мазепинцев» и т. д.). Этому способствовало то, что в результате депортаций, беженства и прочих миграций резко изменился этнический ландшафт в городах центральной России: «чужие» неожиданно появились в ближайшем окружении, порождая общественные галлюцинации.

Архаичные системы отличаются повышенной эмоциональностью. Поскольку в синкретичном мировосприятии — неслучайном спутнике застарелого патернализма — основу общественных взаимосвязей определяет магическое (а не рациональное) начало, в экстремальных обстоятельствах страхи перед «чужаками» растут как снежный ком. При этом «враги» наделяются не только изощренным коварством, но и сверхъестественными возможностями. Строго говоря, всё это наблюдается и сегодня: дезориентированный человек ищет врага.

Оказывается, что крах патерналистской идеи (утопии соборности и т. п.) производит взрывоподобный эффект. Одним из его последствий оказывается эллинизация и этнизация социального пространства. Когда на месте «белого царя», не сумевшего удержаться на высоте ожидаемого величия, оказывается «свой чужой» [Макаренко 2013: 185], верноподданные этносы становятся не только врагами государства, но и ненавистниками всех «чужих». Именно это и случилось в 1917 г.

В советское время последнему русскому царю приписывался антисемитизм. Вспоминали и еврейские погромы, якобы последовательно провоцируемые властями. На деле импер-

ский патернализм предполагал поддержание этнического баланса, а потому всякое его нарушение было небезопасно имперской стабильности. А в целом Николай II всегда исходил из принципа пассивного самосохранения, а не активного управления. В условиях спонтанных модернизационных процессов это играло самоубийственную роль. Строго говоря, главным российским революционером был не Ленин, а Николай Романов. Именно последнему императору стоило бы возводить памятники «за создание революционной ситуации в России».

Поскольку Николай II оставил трон слишком «поспешно», новые «интернационалистские» и космополитичные элиты общероссийского масштаба оказались совершенно незнакомыми и непонятными для традиционалистских масс. Соответственно усилилось влечение к «своим» лидерам воинственно-вождистского типа. В общем, в массовом сознании реактивировались этнически заострённые агрессивные потенции. Новые этнохаризматичные вожди, постепенно вытесняющие «демократических» лидеров, не случайно смогли придать социальному насилию черты воинствующего трайбализма.

Механизм раскручивания массового насилия известен. «Потерянный» человек «находит» себя в стаде. А всякое аффектированное сообщество легко превращается в коллективно-го насильника. При этом люди, ощущавшие себя изгоями, могут возомнить себя богоизбранными.

Демократия более или менее устойчиво и эффективно «работает» в относительно культурно гомогенной, эмоционально устойчивой или привычно сбалансированной этносоциальной среде, но никак не в условиях внутреннего «столкновения цивилизаций», подготовленных «застойным» имперским существованием и подгоняемых глобальными процессами. В условиях кризиса империи демократия попросту не успевает за развитием «непривычных» событий. Постимперские «национализмы» (на деле пробуждение племенной ненависти) — это напоминание о той варварской изнанке человеческой культуры, о которой людям эпохи Просвещения хочется забыть. Однако бегство из воображаемой «тюрьмы народов» обостряет этнофобию.

На этом фоне в России даже благостный интернационализм (нелепый на фоне приоритетного классового принципа) оказался всего лишь дымовой завесой для строительства «красной империи». Чем он был в действительности: идеологической фикцией, тактической приманкой для неустойчивой части «националов» или дополнительным методом расправы с «чуждыми» элементами в видах мировой революции? Это не столь важно. Создаётся впечатление, что в основе его большевистской разновидности лежала яростная озлобленность по отношению к «национальному несовершенству» всего человечества — отсюда наличие в нем этнопатерналистского компонента. Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов и идеалистический настрой некоторых коммунистов, готовых искреннее вызволять народы от «векового рабства». «Интернационализмом» подчас маркировались «свои люди», как бы занявшие круговую оборону от бесчисленных «чужаков». Это помогло консолидации вокруг новой власти «ранее отсталых» и «угнетённых» народов, хотя вовсе не на той пролетарской основе, на которой хотелось бы борцам за мировую революцию.

Официальный интернационализм, как ни парадоксально, провоцировал национализм малых народов. В этом смысле он не отличался от любой другой радикальной идеологии. Национализм множатся этносов (предшественник современных этносоциально отчаянных акций) стал всего лишь попыткой защитить свое культурное своеобразие броней собственной государственности. И это тоже было иллюзией.

Всякий модернизационный процесс вызывает сомнения в традиционной системе ценностей и справедливости этнических иерархий. Как результат, народы империи, утратившей способность к творческой саморефлексии, рискуют заикнуться на мифической фигуре «внутреннего врага». Современная мировая этноконфликтность в значительной степени была смоделирована при распаде Российской империи. Но наиболее многозначительные уроки истории почему-то замечаются в последнюю очередь.

Системный кризис Российской империи был взлелеян её историей: если в дореволюционный период доминировала экспансия русской культуры и государственности, то теперь получило преобладание то, что сопротивлялось ей. Пассионарное ослабление этнического ядра империи активизирует культурные силы окраин. Обычно подобные тенденции люди имперского центра именуют центробежными, деструктивными, сепаратистскими. Все развитые цивилизации сохраняют себя не столько с помощью закона, сколько путём социального контроля, прикрытого древними как мир «патриотическими» мифами, призванными демобилизовать любых «отщепенцев». И в то же время, вопреки поставленным целям, космополитичное имперское управление невольно, но неуклонно провоцируют силы природного сопротивления, способные дойти до трайбалистских воплощений. Так, революционная смута в России настолько обострила гетерогенность христианского (условно говоря, производительного) и меркурианского (посреднического) социокультурных типов, что это не могло не спровоцировать «трудящиеся» массы на еврейские погромы. В связи с этим стоило бы признать: потаённая человеческая агрессивность всегда держит в своем историческом подсознании «мальчиков для битья» и прочих кандидатов на роль «искупительной» жертвы. Отвратительная привычка вымещать злобу на слабых просыпается именно в переломные времена. Отсюда и ненависть к мифическим «сепаратистам», которые ассоциируются с «предателями». Склонность к бунтарски-погромным, а равно иным «стихийным» реакциям особенно устойчиво прописана в психике тех народов, которые привыкли полагаться на «высшую» силу, а не на самих себя — они же наиболее склонны к отказу от признания собственной ответственности за кровь истории.

Постимперские национализмы проявляют себя, прежде всего, в форме противостояния этнорегиональных элит слабеющему центру. Напротив, этноконфликты выступают как стихийные акции против «угрожающих» соседей. В первом случае это по преимуществу бунт, во втором — погром. Обычно этой принципиальной разницы между местными национализмами (инициируемыми элитами) и этноконфликтностью (провоцируемых толпами) не замечают.

Идентификационные ориентиры «сепаратистов» всегда многообразны. При этом они скорее обороняются, нежели нападают. Поначалу они склонны к этноконсолидации ради этноизоляции, а не агрессии. Обычно их возглавляют скорее автономисты, «экстерриториалисты», нежели сепаратисты. Сецессии они внутренне опасаются как неясной перспективы. Этого обычно не желает понять имперско-патерналистская власть, упорно навязывающая подданным единственно допустимую форму идентификации — лояльность к ней самой. Она не случайно доходит до известного рода паранойи, когда определённая этническая принадлежность становится синонимом нелояльности. От «чужого» этноса ждут сепаратизма и даже по-своему навязывают ему его. Имперский «патриотизм» в условиях духовного выхолащивания слабеющей власти оборачивается своей противоположностью — поиском ориентиров для новой идентичности. Всё это наполняет энергией новые национализмы.

Но можно ли считать национализм особой идеологией? Если учесть, что исторически он, так или иначе, является (эксплицитно и имплицитно) составной частью всякой политической доктрины (включая те, которые отрицают его), то следует признать его своего рода идейным (или эмоциональным) подспорьем практической политики. Следовательно, разница между национализмом и патриотизмом является зыбкой, зачастую искусственной. Примечателен ещё один момент. Известно, что национализм укоренился в Европе в XVII в. как средство сокрушения традиционализма. В России он стал орудием, призванным либо укрепить, либо расшатать устои *государства*, почитаемого «современным».

Иного и быть не могло: этнос само/утверждается через конфликт; национализм (точнее этнофобия) *предшествует* появлению нации; нация в известные времена склонна вообразить себя империей. В пространстве большого исторического времени национализм функционален и даже конструктивен, хотя его исторический путь прочерчен железом и кровью. Можно вслед за Э. Геллнером согласиться, что национализм призван способствовать «превращению

культуры в нацию» [Геллнер 1991: 114]. Да, национализм со всеми своими отвратительными воплощениями и патриотической мимикрией исторически функционален и потому перманентно востребован.

В контексте этих маловдохновляющих коллизий стоит задуматься над проблемой так называемого идейно-патриотического воспитания. Вряд ли справедливо считать, что это российское изобретение времён зрелого сталинизма. В сущности, российская власть, по меньшей мере, со времён Петра I, постоянно учила своих *подданных* «патриотизму» (иногда весьма успешно). И этот процесс шел параллельно (и в дополнение) росту имперского национализма.

Но патриотизм, в отличие от национализма, никто никогда не возводил в ранг идеологии — предполагается, что он замешан на эмоциях, а потому не подлежит научной идентификации. Но существует ли между патриотизмом и национализмом принципиальная, логически уловимая разница? Не является ли первый благостным прикрытием второго?

Представляется, что патриотизм ограничен в своих культурных основаниях, национализм экстремален в своих попытках выделиться перед лицом своего окружения. Но и «естественный» патриотизм также способен легко деформироваться в критических обстоятельствах, превращаясь в ненависть ко всему «чужому». Особенно это заметно в этноконфессиональных конфликтах, наиболее остро протекающих в «молодых» этноконтактных зонах. И это при том, что религиозные войны прошлого никогда не были борьбой «за веру» в чистом виде (хотя нельзя недооценивать привязанности людей к магическому компоненту и ритуалу привычной конфессии). То же самое можно сказать и об этнорелигиозных конфликтах современности. Возможно, архаике этнизированного мировосприятия суждено до бесконечности прорываться сквозь покров любых проверенных временем учений и устоявшихся цивилизаций — особенно в условиях их кризисов. Поэтому лучше принять за аксиому внутреннее «коварство» любого этноса по отношению к тому миропорядку, в лоне которого он набрал силы. Сколь умудрёнными ни казались бы реформаторы, какие бы «высокие» цели ни провозглашали революционеры, вожакам упрямого людского стада легче всего удаётся пробудить в человеке старую как мир иллюзию, что во всех его бесконечных бедах виноват злокозненный «чужой», а потому по отношению к нему допустима любая жестокость.

Вместе с тем, этнические конфликты современности вовсе не являются в полной мере ни искусственно нагнетаемыми, ни управляемыми. Стихийная праоснова человеческого бытия пробуждается именно тогда, когда вера в «прогресс» перерастает в ненависть ко всему «реакционному». И вот тогда человек становится беспомощным заложником тех стихий, над происхождением которых он не удосужился задуматься.

Белинский В.Г. 1954. *Полное собрание сочинений 1841–1844*. Том пятый. Статьи и рецензии. — М.: Изд-во Академии наук СССР.

Геллнер Э. 1991. *Нации и национализм*. — М.: Прогресс.

Журавлев В.В. 2015. Введение. — *Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.)*. — М.: Политическая энциклопедия.

Макаренко В.П. 2013. *Русская власть и бюрократическое государство*. — Ростов-на-Дону: Изд-во МарТ.

Сол Д.Р. 2007. *Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе*. — М.: АСТ: Астрель

Тишков В.А. 2013. *Российский народ: история и смысл национального самосознания*. — М.: Наука.